
ТЕРРОРИЗМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПАСНОСТИ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ

Мельникова А. А.*

Глобализация усилила широту охвата аудитории современными масс-медиа, что используется террористами, увеличивающими масштабность и демонстративную жестокость террористических действий, проводя их с расчетом на максимальную публичность. Анализ специфики современных средств массовой информации открывает смещение акцентов с прекрасного на шокирующее, безобразное, пугающее. При этом ситуация, когда масс-медиа делают культуру убийств и насилия неотъемлемой частью массового сознания, приводит к тому, что информация о террористических актах становится для СМИ уже не столько пугающей или ужасающей, сколько желанным объектом, поднимающим рейтинг. Кроме использования медиа-ресурсов для устрашения, запугивания населения, в статье разбирается также использование Интернета для создания нового образа террориста – как борца за веру и свободу, а также использование социальных сетей для вербовки новых членов террористических организаций. Два последних направления относятся к новому феномену – сращению терроризма с Интернетом; этот феномен получил название «электронный джихад», или «киберджихад».

Ключевые слова: массмедиа, терроризм, эстетика шокирующего, киберджихад, электронный джихад.

Globalization has expanded the audience of modern mass media, which is used by terrorists who increase the scale and demonstrative cruelty of terrorist actions, conducting them with expected maximum publicity. The analysis of peculiar features of modern media reveals that the focus is shifting from the beautiful to the shocking, ugly, and frightening. At the same time, the situation when the mass media make the culture of murder and violence an integral part of the mass consciousness, leads to the fact that information about terrorist acts becomes not so much frightening or terrifying for the media but a desirable object that supporting the rating. In addition to the use of media resources to intimidate people, the article also examines the use of the Internet to create a new image of a terrorist as a fighter for faith and freedom, as well as the use of social networks to recruit new members of terrorist organizations. The last two areas are related to the new phenomenon of the fusion of terrorism with the Internet; this phenomenon is called “electronic Jihad”, or “cyberjihad”.

Keywords: mass media, terrorism, aesthetics shocking, kiberjihad, electronic Jihad.

* Мельникова Алла Александровна – д. культ., профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (СПбГУП). E-mail: 88alla88@mail.ru.

Терроризм из локальных актов местного характера трансформировался в проблему мирового масштаба, став одним из глобальных вызовов нашего времени. Причем именно пространственная всеохватность современных массмедиа способствует этому. Одна из главных целей террористического акта – устрашающее воздействие на максимально большое число людей: «Публичность террористического акта является кардинальным моментом стратегии терроризма. Если террор терпит неудачу в том, чтобы вызвать информационный отклик в общественных кругах, это будет означать, что он бесполезен как орудие социального конфликта. Логика террористической деятельности не может быть вполне понята без адекватной оценки показательной природы теракта» [Hardman 1979: 223]. Поэтому мы стали свидетелями того, как терроризм XXI в. использует для наращивания страха у мирового сообщества его же средства массовой коммуникации. Методы и средства массмедиа стали формой тиражирования агрессии террора, повышающей эффективность «упаковки» этих запугивающих информационно-демонстрационных сообщений. Именно наличие информирующей мощи массмедиа приводит к увеличению масштаба и демонстративной жестокости террористических актов, которые совершаются уже с расчетом на максимальную публичность и с учетом возможностей СМИ массово и концентрированно воздействовать на общественное и индивидуальное сознание.

Закономерной в такой ситуации становится театрализация современного терроризма: «Терроризм – это театр, теракты зачастую тщательно срежиссированы, чтобы привлечь внимание электронных СМИ и международной прессы» [Jenkins 1974: 31]. Феномен такой театрализации обусловлен также и тенденциями культуры, в частности – выраженностью «эстетики шокирующего» в современном искусстве. Мы наблюдаем дихотомию «прекрасное/шокирующее», развитие которой восходит к явлениям, в момент своего зарождения выглядевшим вполне культуросообразно и не противостоявшим эстетике прекрасного: «Посмотрите, что делали Берлиоз, Вагнер, даже Чайковский в Шестой симфонии! Каждый из них искал новые средства выразительности, желая публику **удивить**. Почему же мы сейчас не должны думать об этом? Кстати, за нас об этом подумали продюсеры, ставящие поп-шоу. К ним в первую очередь тянутся теперь люди» [Рыжикова 2003: 75]. Если раньше ориентиром искусства было прекрасное (связанное, в свою очередь, с созерцательностью, успокоением, ощущением завершенности и полноты бытия), то постепенно его начинает вытеснять вначале занимательное, потом – удивляющее, возбуждающее, и теперь – эпатажирующее, шокирующее.

Такое преобразование ценностей искусства связано с тем, что оно стало массовым, при этом элита отдавала предпочтение созерцательно-прекрасному, то масса предпочитает зрелища. В зрелищах же еще с римской эпохи присутствовали черты не только развлекающего, игрового, но и эмоционально возбуждающего, к которому относится и эпатажирующее-шокирующее: низменное, непристойное, отталкивающее, отвратительное, омерзительное, болезненное, безобразное, злое, жестокое, ужасное [Лексикон... 2003: 487–512]. Преобладание же установки на зрелищность, отличающее массмедиа эпохи глобализации, закономерно привело к усилению потребности в информации, обладающей шокирующими характеристиками. В связи с этим в современной медиареальности насилие носит в определенном смысле привилегированный характер, так как информация о нем,

как правило, позиционируется приоритетно по отношению к другим формам проявления культуры, политики, экономики. Соответственно, жестокость и насилие стали занимать все больше медийного пространства, становясь опорой для успешности расчетов террористов. Стоит где-либо появиться информации о проявлениях насилия, она сразу получает преобладающее право демонстрации на экранах в прайм-тайм, за который конкурирует целая индустрия развлечений, различных реклам всевозможных товаров и услуг. Именно показ или информационные сообщения о войнах, убийствах, разрушениях и иных формах насилия с безусловностью завладевают вниманием общественности, удерживая людей у всех информационных источников: радио, экранов телевизоров и компьютеров. Такая ситуация свидетельствует о кризисных тенденциях, использующих характеристики глобализации, а именно – отсутствии технических ограничений для получения такого рода информации. Мы наблюдаем процесс, когда массмедиа делают культуру убийств и насилия неотъемлемой частью массового сознания, а информация о террористических актах при таком положении дел становится для СМИ не пугающей или ужасающей, а желанным объектом, поднимающим рейтинг.

Осмывая связь «медиа/терроризм», исследователи говорят о происходящей в течение последних 30 лет его поэтапной эскалации. Первым случаем, когда медиа активно включились в показ террористического акта, была Олимпиада 1972 г. в Мюнхене. Уже тогда погоня за сенсацией сослужила дурную службу – журналисты снимали подготовку полицейских к атаке, а террористы смотрели по ТВ расположение атакующих. С точки зрения медиаосвещения этот теракт был для организовавших его палестинцев чрезвычайно успешным – за событиями в Мюнхене напряженно наблюдал весь мир, причем, по исследованиям психологов, в массовом сознании возник образ, в котором смешивались не только трагедия и шок, но и заинтересованность. Террористы добились того, что, несмотря на глобальное осуждение теракта, о них и их проблеме заговорили. Таким образом, сращение медиа с терроризмом открывает две грани: с одной стороны, репортажи о терактах и связанные с этим сюжеты многократно усиливают поражающий эффект теракта, а с другой – вызывают интерес к террористам.

Поворотной точкой, отметившей новый этап развития терроризма, стало 9 сентября 2001 г. – это уже был не террористический акт, а террористическая атака, которая открыла качественно новые характеристики: несколько объектов, объекты эти масштабны, большое количество жертв. Масштабу террористического действия соответствовал и масштаб его освещения в массмедиа: неоднократный повтор самого момента атаки, включение сюжетов аналитики (со стороны политиков, социологов, политологов, психологов), интервью с выжившими, родственниками погибших, со свидетелями – все это служило, по сути, интересам организаторов террора, с одной стороны, заставляя население ужасаться, с другой – давая информацию о террористах, их целях, задачах, идеологии.

Как пишет исследователь терроризма Б. Хоффман [2003: 191], «предназначение теракта – передать определенное послание», с чем перекликается высказывание «Без коммуникации терроризм не может существовать» исследователей А. Шмида и Я. де Граафа [Hoffman 2006: 225]. Терроризм предстает как тактика, включающая использование или угрозу использования насилия с целью коммуникации. Таким образом, смысл теракта – активизация машины массмедиа.

Но наибольшей опасностью является сращение терроризма с Интернетом – этот феномен получил название «электронный джихад», или «киберджихад» [Bunt 2003]. Интернет открыл перед террористами новые возможности: практически полное отсутствие цензуры со стороны государства, доступность, огромная аудитория, коммуникативная анонимность, быстрота при передаче информации, возможность комбинирования различных видов информации (аудио- и видеоматериалов, графической и текстовой). Что еще представляется важным, так это возможность управлять восприятием, создавая тот образ, который в данный момент для данной аудитории наиболее продуктивен для ее рекрутирования.

Анализ специфики электронного терроризма открывает форму его репрезентации в Интернете, за которой просматривается ряд целей. Это смена образа террориста как врага и олицетворения зла образом борца за свободу и религиозные ценности; кроме того, явно выражены цели рекрутинга новых бойцов и сочувствующих, готовых оказать денежную поддержку. Для реализации этих целей как раз и используется тактика управления восприятием образа: сайты террористов выстраиваются по образцу сайтов легитимных организаций, и основной акцент делается не на насилии как форме терроризма, а на описании конечных целей, причем большое внимание уделяется свободе слова и правам политзаключенных. Такая тактика способствует завоеванию симпатий у правозащитников и у либеральной аудитории в целом. Кроме того, значительный удельный вес на таких сайтах имеет информация по истории арабского мира, ислама, исламских движений, которые трактуются в положительном для террористов ключе. Наряду с этим исследования показывают, что версии одних и тех же сайтов террористов на арабском и европейских языках значительно отличаются – ориентированный на собратьев по арабскому миру текст более жесткий, агрессивный, в то время как для европейской аудитории дается гораздо более мягкая версия текста, в ней в меньшей степени идет акцент на насилии.

Общей тенденцией для терроризма в любой временной период является доминирование в рядах террористов молодежи. Обращение к психологическим исследованиям помогает интерпретировать этот факт. Тенденция упрощать многогранный и сложный мир, сводить его к одной-двум идеям, видеть его полярным, двухполюсным (зло/добро) характерна для подросткового сознания. Казалось бы, это возраст более ранний, однако не всегда подростковый период проходит успешно. В норме на выходе из подросткового периода личность вписывается в окружающий ее социум, овладевая широким ролевым спектром. Однако такой процесс может сбить кризис социальной системы, который, накладываясь на двухполюсную систему ценностей подростка, тормозит его социальное взросление. Кроме того, в период кризиса сложнее найти для себя подходящую роль – старые ролевые нормативы разрушаются, новые еще только образуются, что также сбивает идущий у индивида процесс ролевой идентификации. В таком состоянии индивида ориентация массмедиа на шокирующее глубже на него воздействует и, соединенная с описанным выше туннельным видением, более жестко задает концептуальные формы осмысления реальности и действия в ней. Еще одна особенность социального кризиса – усиление мифологизации сознания, причем активно циркулирующие в обществе мифологизированные концепции особенно воздействуют на личность именно в ситуации ролевой неопределенности, что,

в свою очередь, усиливает психологическое «застревание» человека на подростковом этапе развития.

При этом молодежь – наиболее активный пользователь социальных сетей, одного из феноменов глобализации, раздвигающего границы личного мира. Террористические организации активно эксплуатируют эту социальную площадку: наряду с использованием Интернета для изменения образа террориста, в том числе террориста-смертника, через социальные сети осуществляется вербовка новых членов террористических организаций, причем по большей части смертников – согласно имеющейся статистике, вступающие в ряды террористов новообращенцы живут не более трех лет [Шегаев 2016: 4]. Первоначально вербовщик ищет подходящего кандидата: для этого исследуется контент интернет-форумов, блогов, сообществ, чтобы обнаружить наиболее активных участников. Затем начинается изучение личной странички в социальных сетях у найденного объекта для того, чтобы определить его психологическое состояние, унастроение, то есть онлайн-профиль человека.

Существуют определенные психологические характеристики личности, особенности межличностных отношений и осмысления мира, которые способствуют положительному исходу вербовки. Во-первых, к потенциальным клиентам для вербовки в террористы-смертники относятся люди с низкой самооценкой при постоянной, часто агрессивной готовности защищать свою личность. Во-вторых, личностной особенностью потенциально вербуемых является наличие ощущения социальной несправедливости, при этом человек склонен проецировать причины собственных жизненных неудач на своих близких или на общество/страну, в которой он живет. В-третьих, человека к общению с вербовщиками подталкивает его отчужденность (отсутствие близкого круга друзей) или социальная изолированность (у индивида есть ощущение, что он находится на обочине жизни, у него отсутствует видение жизненной перспективы). В-четвертых, при отчужденности от близких или социальной изолированности у индивида в то же время выражена сильная потребность в принадлежности к значимой группе. В-пятых, под вербовку попадают люди, имеющие активную гражданскую позицию, ищущие справедливости и критикующие существующую в стране социальную систему [Соснин 2015: 20–28].

Найдя потенциального кандидата, вербовщик начинает активизироваться – вначале ставит лайки под постами, потом добавляется в друзья, а затем вступает в переписку: «Прочел твой пост о... Совершенно согласен с тобой. Давно думал на эту тему...» – так завязывается первый разговор. В целом основными капканами, в которые попадают люди, являются идеология, тщеславие, избавление от одиночества и приобретение авторитетной поддержки, финансовые вопросы или компромат. То есть при вербовке используется индивидуальный подход: ищущим справедливости указывается, как эту справедливость восстановить; тщеславным описывается героизм борьбы с врагами; одинокие начинают получать позитивную обратную связь с подчеркиванием их значимости, также им рассказывают о сплоченности новых друзей, их дружбе; человеку с явными финансовыми проблемами скажут о несправедливости того, что одни с жиру бесятся, а другие гроши получают, и пообещают материальную поддержку (при этом даже могут оказать ее реально). Получив же компромат на человека, вербовщик меняет убежде-

ния на угрозы, шантажируя жертву. Что касается девушек, то еще одной темой в разговоре с ними становится рассказ о том, какой авторитет имеют боевики и насколько высоким уважением пользуются их жены [Деминова 2016: 182–184].

Затем, проведя некоторое время в переписке, вербовщик предлагает потенциальному кандидату начать общаться в скайпе, где он выводит человека на обсуждение больших для него тем (справедливость, деньги, возможность проявить себя). Затем начинается формирование самообразования человека в нужном направлении: рекомендуются определенная литература для чтения, сайты. Вербовщик рассказывает свою легенду, в которой много параллелей с характеристиками кандидата, например: общая профессия, разочарованность жизнью (в то же время сам вербовщик сообщает, что сейчас уже нашел выход). При этом зачастую через небольшое время разговор начинает вестись в режиме скайп-конференции, то есть к диалогу подключаются «друзья» вербовщика. Такой способ общения усиливает воздействие на человека.

Первый ход, который предлагается человеку, – просто стать сочувствующим, разделяющим некоторые взгляды. Потом начинаются мелкие, безобидные с виду поручения: передать посылку, встретить друга; затем идут идеологически наполненные задания, но на этом уровне – виртуального характера (участие в одной-двух онлайн-акциях). Затем начинают говорить об уникальности, значимости, избранности человека – и предлагают съездить куда-то за границу, ибо внезапно возникла редкая возможность встретиться с каким-то важным, авторитетным человеком, которая вряд ли еще когда-то выпадет. Причем все это происходит в спешке, чтобы человек не имел времени подумать и его не успели остановить родные – в течение дня-двух ему покупается билет и он под присмотром одного из новых «друзей» уезжает за пределы страны, а дальше попадает под жесткий прессинг группового и индивидуального давления. В итоге – присяга на верность ИГ**, принятие в ряды боевиков.

Такая схема действий является стандартной, с явным выделением трех ее этапов: на первом происходит выявление потенциальной жертвы и сбор информации о ней; на втором идет установление и развитие непосредственного контакта, включающего несколько проверочных заданий; третий этап – непосредственное вовлечение человека в организацию, переход к реальной деятельности в новом статусе. И в этом процессе, как мы видим, активно задействованы интернет-ресурсы, потенциал которых используется для вербовки террористов-смертников [Сундиев 2011].

Итак, можно констатировать: в разные периоды истории и в различных культурных реалиях активизировались разнотипные составляющие терроризма, в том числе суицидального. В современной же ситуации мы наблюдаем одновременное присутствие всех этих составляющих с добавлением новых, ранее не выраженных или выраженных слабо, что актуализирует необходимость сплотить усилия для выработки продуктивной стратегии противостояния этому чрезвычайно опасному новому гибриду терроризма.

Таким образом, мы видим три доминирующие тактики использования медиа, три сферы пересечения с ней терроризма: 1) эксплуатация медиаресурсов для

** Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ.

устрашения, запугивания населения; 2) использование Интернета для создания нового образа террориста – как борца за веру и свободу; 3) использование социальных сетей для вербовки новых террористов. Все эти возникшие в эпоху глобализации направления тают в себе опасность и актуализируют необходимость поиска средств для противостояния им.

Литература

Деминова В. Ю. Психология вербовки девушек в Исламское Государство Ирака и Леванта посредством сети Интернет // Проблемы правовой и технической защиты информации: сб. науч. ст. IV Всероссийской междисциплинарной молодежной научной конференции / отв. ред. В. В. Поляков. Барнаул, 2016. С. 182–184.

Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. М. : Российская политическая энциклопедия, 2003.

Рыжикова В. Интервью с композитором Б. Юсуповым // АртХроника. 2003. № 4. С. 75.

Соснин В. А. Современный терроризм и проблема вербовки людей в террористические сети: психологические аспекты // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 20–28.

Сундиев И. Ю. Информационные технологии в деятельности террористических и экстремистских организаций // Научный портал МВД России. 2011. № 4.

Шегаев И. С. Современный террористический рекрутинг: системы и принципы // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 1. С. 1–12.

Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М. : Ультра. Культура, 2003.

Jenkins B. M. International Terrorism: A New Mode of Conflict. Research Paper 48. California. Seminar on Arm Control and Foreign Policy. Los Angeles : Crescent Publications, 1974.

Bunt G. R. Islam in the Digital Age: E-jihad, Online Fatwas and Cyber Islamic Environments. London; Sterling : Pluto Press, 2003.

Hardman J. B. S. Terrorism: A Summing Up in the 1930s // The Terrorism Reader: A Historical Antology / ed. by W. Laquer. London, 1979.

Hoffman B. Inside Terrorism. New York : Columbia University Press, 2006.